

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 29-го августа 1904 года.

Всеволодъ Ивановичъ Вагинъ.

(† 1900 г.)

Вѣтъ уже четыре года, какъ на Иркутскомъ кладбищѣ успокоился старый сибирскій писатель В. Ив. Вагинъ. Имя его для многихъ и въ Иркутскѣ, пожалуй, незнакомо, но въ изслѣдованіяхъ внимательнаго историка Сибири оно несомнѣнно займетъ видное мѣсто, какъ имя не только писателя, но и какъ выдающагося общественнаго дѣятеля. Не скоро еще напишется культурная исторія Сибири, — жизнь доставляетъ пока только слабый матеріалъ для нея и не даетъ никакихъ законченныхъ выводовъ и заключеній. Въ ожиданіи же этой исторіи было бы грустно забывать тѣхъ немногихъ поборниковъ просвѣщенія, которые отдали жизнь и силы служенію обществу. И имя, лично знавшимъ и почитавшимъ Всев. Ив., дорога его память, дорога возможность поговорить о немъ съ тѣми, кто его не знаетъ.

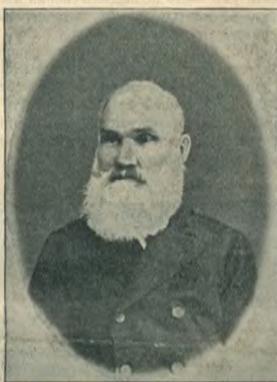
Широко раскинулась Сибирь, нѣсколько столѣтій ея аборигены, темная кочевая монгольская племена стираются и исчезаютъ передъ надвигающимся, быстро растущимъ русскимъ народомъ. Съ этимъ стихійнымъ массовымъ движеніемъ проникаетъ и понемногу захватываетъ востокъ и западная культура. Но почему такъ бѣдна именована борющая наша исторія за эти столѣтія? Силь ли не пародилось? Окружающія ли условія не давали вырваться и тяжело давили всякое стремленіе къ свѣту и просвѣщенію? Это интересный вопросъ для будущаго историка. А пока пусть говорятъ факты.

В. И. былъ однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ исключеній, которыхъ не задавила тяжелая сибирская дѣйствительность, хотя и не дала вполнѣ развить богатая природная дарованія, не дала полного простора умственнымъ силамъ. Я узнала В. И. уже старикомъ, убѣленнымъ сѣдинами, горячо интересовавшимся всѣмъ. Онъ уже не занимался никакими личными дѣлами, жилъ „на покой“, велъ тихую, строго-правильную жизнь, но бывалъ повсюду, гдѣ пробивалась живая общественная жизнь: на засѣданіяхъ различныхъ обществъ, лекціяхъ, концертахъ, въ частныхъ кружкахъ немногочисленной иркутской интеллигенціи. Его быстрые маленькие глаза, глубоко засѣвшие подъ густыми нависшими бровями, казалось, не пропускали ничего незамѣченного, его спокойный критическій умъ всегда былъ на сторожѣ, и часто раздавался его вѣское слово, къ которому всѣ съ почтеніемъ прислушивались. Въ то время онъ былъ крупнымъ, всѣмъ известнымъ и популярнымъ лицомъ въ Иркутскѣ. Онъ былъ дѣйствительнымъ сотрудникомъ въ обществѣ известныхъ тогда сибирскихъ газетахъ „Сибирь“ и „Восточное Обозрѣніе“, постояннымъ членомъ комитета мѣстнаго отдѣла географическаго общества, много лѣтъ состоялъ главнымъ въ городской думѣ и считался знакомомъ по всѣмъ вопросамъ городского самоуправления; онъ принималъ болѣе или менѣе живое участіе во всѣхъ мѣстныхъ просвѣдительныхъ обществахъ и предпріятіяхъ. Въ прошломъ у него былъ крупный 2-годовой ученый трудъ, поставившій его въ ряды немногихъ сибирскихъ историковъ, а именно: „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа Сперанскаго въ Сибиріи“. И всего замѣчательнѣе было то, что В. И. былъ самоучкой, личнымъ напряженнымъ трудомъ и выдающимся умственнымъ способностямъ добившись такого положенія. Многимъ ли это удавалось?...

Вс. Ив. Вагинъ родился въ Иркутскѣ въ 1823 г. Его родители были небогатые люди, хотя мать и происходила изъ купеческой семьи. Отцу въ поискахъ службы, часто приходилось мѣнять свое мѣстожительство; В. И. учиться началъ въ Петропавловскѣ у поляна-повстанца; тамъ прошло и его раннее дѣтство. Затѣмъ онъ учился въ Омскѣ въ войсковомъ казначействѣ училищѣ, но курсъ кончить въ Троицко-аванскѣ, въ уѣздномъ училищѣ. Въ это время отецъ его умеръ; семья осталась безъ средствъ, и Вс. Ив.—чуть съ 16 лѣтъ пришлось некая работа. Онъ поступилъ учителемъ въ приходское училище, причѣмъ вознагражденіе получалъ

самое ничтожное. Скоро ему удалось перебраться въ Иркутскъ, на службу въ главное управленіе Восточной Сибири. Съ этого времени онъ перебралъ много чиновничьихъ мѣстъ, но въ карьерѣ чиновника ему не повезло, былъ онъ человѣкъ неуступчивый, самолюбивый, держался независимо, а съ маленькими чиновниками тогда вообще не особенно перемонился. Можно предполагать, что это были тяжелая странная его жизни, потому что онъ не любилъ вспоминать ихъ и никогда ничего не рассказывалъ изъ этого времени.

Въ 1861 г. онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Иркутскѣ и занялся частной адвокатурой. Его замѣчательная память помогла ему бы-

Всеволодъ Ивановичъ Вагинъ.

Сибирскій кадетскій корпусъ въ г. Омскѣ.

стро освоиться въ „Сводѣ Законовъ“, а его находчивость, проинстинктивно, умѣнье схватывать суть дѣла—скоро составили ему репутацію хорошаго адвоката и помогли достигнуть небольшого матеріальнаго благосостоянія. Онъ сталъ расплагаться дусомъ, который посвящалъ давно привлекавшимъ его занятіямъ литературой и пополнял свое скудное образованіе чтеніемъ. Въ Иркутскѣ тогда еще не существовало и городской библиотеки, по общественной жизни съ ея запросами уже нарождались. Были образованные чиновники, развивался отдѣлъ географическаго общества, проникали книги и журналы, слышались отголоски народолюбиваго въ Россіи литературнаго партій. В. И. съ своей восприимчивой душой не могъ не откликнуться и не увлечься общимъ движеніемъ.

Его первымъ шагомъ на литературномъ поприщѣ была корреспонденція о голодѣ въ Ирк. губерніи, напечатанная въ Сиб. Вѣдом. еще въ 1847 г., за которую ему пришлось испытать большія непріятности по службѣ. Но это его не остановило, и онъ, время отъ времени, посылалъ корреспонденціи въ „Сѣвер. Пчелу“, „Томскія губ. Вѣдом.“, „Голосъ“

„Вѣстъ“ и „Московскія Вѣдом.“ Онъ принялъ участіе и въ возникшихъ тогда мѣстныхъ изданіяхъ, какъ „Иркут. губерні. Вѣдом.“, „Амуръ“ и „Сибир. Вѣстникъ“. Въ это же время онъ работалъ надъ собраніемъ матеріала для своего обширнаго труда о Сперанскомъ. — Глубокоинтересное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, большой практической опытъ и оттаиваніе на общественной нудѣ скоро выдвинули передъ нимъ цѣлый рядъ социально-экономическихъ вопросовъ. Случайный характеръ газетной дѣятельности пересталъ удовлетворять В. И. и онъ началъ мечтать о созданіи мѣстнаго органа, посвященнаго разработкѣ мѣстныхъ вопросовъ. Желаніе его скоро было исполнено покушкой у Клингера его неудачно предпринятой газетѣ „Сибирь“. Съ 1875 г. Вагинъ выступилъ не только издателемъ, редакторомъ, но и главнымъ сотрудникомъ „Сибиря“. „Сибиря“ выдвинула цѣлый рядъ назрѣвшихъ вопросовъ текущей сибирской дѣйствительности: сыска, городское положеніе, народное образованіе, ирригаціонный вопросъ, судебная реформа, землевладѣніе, банки, золотопромышленность, народное продовольствіе, пути сообщенія и т. д. В. И. счелъ найти серьезныхъ сотрудниковъ, быстро организовалъ редакціонное дѣло, привлекъ къ газетѣ симпатичныя немногочисленные, разбросанные по Сибири интеллигентныхъ работниковъ, изъ вѣщаго углаго полетѣли къ нему письма, корреспонденціи. Въ газетѣ работали безкорыстно, она была слишкомъ новымъ явленіемъ въ жизни сибирскаго общества и не могла даже покрывать издержки. Но кто на это обращалъ вниманіе? Каждый дорожилъ возможностью высказаться о нуждахъ своей родной страны, указать на кривизны всюду несправедливости и злоупотребленія. Газета получила огромное значеніе, ея обсужденія болѣе, къ ея голосу прислушивались. Ея сотрудники преобладали, но принадлежатъ къ ея редакціи считалось почетнымъ. Всев. Ив.—чужъ принадлежалъ честь такой постановки газеты. Оживленныя ежедневныя редакціонныя засѣданія сблизали между собой иркутскую интеллигенцію. Редакція стала центромъ умственной жизни. Каждый, кто жилъ въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ, знаетъ, какое громадное значеніе имѣетъ такой кружокъ, какимы лучомъ свѣта является онъ въ тихой буличной жизни такого углаго. Это была самая блестящая пора для газеты „Сибирь“. Въ это же время и во всей Россіи начинается возрожденіе провинціальной жизни, возникаютъ провинціальныя изданія, появляются крупные провинціальныя дѣятели, вниманіе столичныхъ публицистовъ направлено на провинціальныя центры, которое болѣе или менѣе охватываетъ все русское общество. Дѣятельность „Сибиря“ не могла остаться незамѣченной; въ дальней Россіи нашлись единомысленники, люди, не только любившіе Сибирь, но и волновавшіеся ея судьбами, нуждами, вопросами. У „Сибиря“ завязались сношенія съ далекими друзьями, появились новые сотрудники, какъ Ядринцевъ и др.

Въ это время серьезная болѣзнь глазъ заставила В. И. отказаться отъ редакторства „Сибиря“ и уѣхать изъ Иркутска дѣлится. Редакторомъ сдѣлался другой уважаемый писатель-сибирякъ М. В. Загоскинъ. В. И. и болѣе не оставилъ литературной работы и постоянно диктовалъ статьи своей вѣрной помощницѣ и женѣ, Любови Анекподостовицѣ, происшедшей изъ известной въ Сибири фамилии Развильдѣевыхъ, одной изъ первыхъ воспитанницъ Иркутскаго Института. Кстати упомянуть, семейная жизнь Вагиныхъ сложилась на рѣдкость удачно, и В. И. никогда не разставался съ своимъ вѣрнымъ другомъ и до конца жизни былъ окруженъ внимательнымъ и любящимъ уходомъ. Поправившись, В. И. вернулся въ Иркутскъ, но арбіе его осталось слабымъ и онъ не могъ уже по прежнему усердно работать. Въ 1879 г. произошелъ въ Иркутскѣ пожаръ, истребившій большую часть города, между прочимъ, домъ Вагиныхъ и все имущество; отъ ихъ благосостоянія сохранились лишь небольшие остатки, позволившіе старикамъ жить скромно, но безбѣдно. В. И. героически перенесъ потерю и никогда даже не вспоминалъ и не высказывалъ сожалѣній.

В 1888 году „Сибирь“ прекратила свое существование, и свои работы В. И. стал помещать в „Вост. Об.“, возникшем в Петербурге и впоследствии перенесенном в Иркутск. В „Вост. Об.“ В. И. работал до самой смерти. Кроме публицистических статей В. И. изредка

Иркутск и был знаком с тамошними почтмейстерами, от которого и узнал, что на почт доставляются французские журналы для отсылки их какому-то ссыльному в Якутск. А так как почта в Якутск отправлялась тогда только несколько раз в год, то В. И. и выпросил позволение пользоваться этими журналами в промежутки между их получением и отправкой.

Благодаря разносторонней начитанности и превосходной памяти, В. И. обладал замечательной эрудицией; он не только превосходно знал русскую литературу, но и иностранную. Он горячо интересовался вопросами как русской, так и иностранной политики. Этот интерес не покидал его до последних дней жизни, несмотря на тяжелую мучительную болезнь, приковавшую его к постели последние годы.

Вид своих общественных сношений и долг В. И. вел тихую, замкнутую жизнь среди небольшого кружка близких людей. Как все сосредоточенные, много пережившие, погруженные в постоянную умственную работу, В. И. трудно сходился с новыми людьми, но собеседник он был превосходный, начитанный, остроумный, живой. Он любил молодежи, входил в ее интересы, помогал советами и указаниями. Я познакомилась с ним, будучи совсем еще юной гимназисткой, но скоро уже почувствовала в нем друга и без перерыва шла к нему поговорить и о заданной теме, и о прочитанной книге, шла с своими вопросами и недоумениями. Его холодный скептический ум часто не падал своими наставлениями, но это не мешало дружбе, зато дорожке становилось каждое ободряющее слово...

Да, В. И. был счастливым избранником судьбы. Может быть ему одному из тысячи таких же даровитых молодых людей удалось выбиться из глухой темной среды, оставить себя славное имя, добиться почетного положения в обществе, небольшой материальной обеспеченности на старости лет, ясного, покойного сна и

листая рѣчка съ прозрачной водой очень хороша, особенно при ярком солнечном освещении.

Проѣхать часа три съ небольшим въ вагонѣ, — мы на Байкалѣ, но это еще только станція Забайкальской желѣзной дороги. Движение здѣсь сильное. Пассажиры, выйдя из вагонов, расходятся въ разные стороны: кто направляется въ село Лиственничное, красиво раскинувшееся на протяженіи десяти верст по берегу Байкала, кто съѣздить къ пародной пристани Баранчикъ, гдѣ уже стоит пародъ компаніи Потапова „Бурятъ“, готовый къ отправленію и только ожидая пассажировъ съ поѣзда. Большинство, однако, остается въ поѣздѣ и при посредствѣ ледокола „Ангара“ переправляется на ту сторону озера.

Пародъ, на которомъ намъ пришлось ѣхать, оказался маленькимъ, тѣснымъ, принарожденным главнымъ образомъ для груза, а не для перевозки пассажировъ. Большинство помѣщается въ третьемъ классѣ, на открытой палубѣ.

Когда мы вошли на пародъ, не было уже ни одной свободной скамейки. На нашъ вопросъ: — „гдѣ мы должны расположиться?“ Капитанъ очень спокойно отвѣтилъ: — „Вотъ погодите, тронется пародъ, грузъ распределится, тогда, можетъ быть, и вамъ мѣсто найдется“. Въ такомъ же положеніи были и многіе другіе пассажиры. Но публика, повидному, нисколько не смущается этимъ обстоятельствомъ, а все хлопочетъ только о томъ, какъ бы попасть на пародъ, не придавая тому значенія, что придется простоять на ногахъ почти все 8—9 часовъ, или, въ лучшемъ случаѣ, сидѣть на своихъ чемоданахъ, или улазить.

Пассажиры все прибываютъ и прибываютъ; уже послѣ второго свистка на пародъ въбѣжалъ какой-то господинъ съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ убѣждаетъ капитана замедлить отходъ парода, хоть на 15 минутъ, пока ему выдѣлать багажъ его, состоящій изъ нѣсколькихъ тюковъ. Капитанъ долго ломается, но, наконецъ, вынимаетъ мольбамъ и рѣшается ждать. Долго ждемъ; но наконецъ, устроились. Капитанъ даетъ третій свистокъ, — и мы движемся.

Сѣсть поперекъ некуда. Пассажиры почти все время остаются на ногахъ. Присаживаются только тогда, когда закусаваютъ, или пьютъ чай. Два стола постоянно обставлены пассажирскими, сменяющими друг друга. Пародъ идетъ быстро, но на сравнительно небольшомъ разстояніи отъ Баранчиковъ до Култука (90 верстъ) — все же требуется 8—9 часовъ. Это объясняется тѣмъ, что масса времени теряется на остановахъ. Пародъ останавливается почти у каждой „пади“, чтобы спустить однихъ, принять другихъ пассажировъ, сдать грузъ, который заваливаютъ, не обращая вниманія на пассажировъ, всю палубу. Очень часто пародъ къ пристани не подходитъ, останавливается

Железная дорога къ Байкалу.

занимался и беллетристикой: писалъ фелетоны, сатирическія сказки, даже стихи, — но все это было бездѣлками, къ которымъ онъ и самъ относился шути.

Состою много лѣтъ членомъ мѣстнаго отдѣла географическаго общества, какъ и уже упоминала, В. И. принималъ въ немъ большое истинное участіе: въ его „Извѣстіяхъ“ помѣщалъ большія статьи и замѣтки по этнографіи и статистикѣ, нѣсколько лѣтъ былъ членомъ распорядительнаго комитета, съ глубокимъ сочувствіемъ относился ко всѣмъ задачамъ ученаго общества. Его дѣятельность наша себя отъяку и въ день, когда исполнилось 25 лѣтъ пребыванія его членомъ Географическаго общества торжественно отпраздновало его и поднесло ему серебряную медаль. О дѣятельности Вагина въ качествѣ гласнаго иркут. думы, въ знаніи котораго онъ состоялъ безсѣмьно 15 лѣтъ, я уже упоминала выше. Много лѣтъ состоялъ онъ въ возникшемъ при его же участіи обществѣ для оказанія пособій учащимся Восточной Сибири. Общество это, одно изъ старѣйшихъ просвѣдительныхъ обществъ въ Сибири, теперь владѣетъ большими капиталами, и много было обзаво его энергичному и постоянному участію въ качествѣ члена комитета. Какъ старій законникъ, В. И. часто приходилъ на помощь молодому обществу своей юридической опытностию и практичнымъ, глубокимъ умомъ.

Вотъ вырѣдѣ почти всѣ факты его жизни; они не отличаются пестротой, яркостью и разнообразіемъ, они богаты только своимъ внутреннимъ содержаніемъ, въ нихъ всюду сквозитъ живая жизнь, непреклонная энергія, умъ, преданный интересамъ справедливости и просвѣщенія. Но откуда же вылезло это богатство умственныхъ силъ и нравственныхъ взглядовъ у бѣднаго ученика уѣднаго Троицкосавскаго училища?

Можно ясно представить тотъ скудный запасъ знаній, который былъ вынесенъ В. И. изъ этого училища. Можно навѣрняка утверждать, что и люди, окружавшие его въ дѣтствѣ и молодости, не могли дать ему больше. Природный живой, любознательный умъ самъ искалъ для себя пищи и удовлетворенія. А какими путями—это отчасти можно судить изъ разсказа, который и однажды слышала отъ него самого, и который онъ передаетъ со свойственнымъ ему юморомъ. Какимъ то образомъ удалось ему выучиться читать по французски съ помощью словаря, но французскихъ книгъ доставать было негдѣ. Дѣлалъ онъ тогда въ

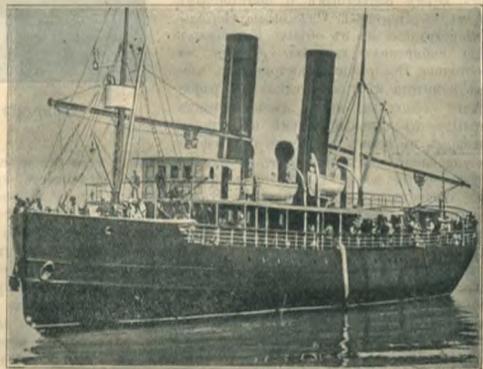
Село Лиственничное.

праздника, рѣдко-рѣдко выпадающаго на долю русскихъ писателей—отпраздновать 50-лѣтній юбилей своей, хотя и скромной, но полезной литературной дѣятельности. Какую суровую дорогу долженъ онъ былъ пройти для этого, сколько силъ, энергіи, ума долженъ былъ онъ затратить, чтобы побороть все враждебныя, мешавшія условія тогдашней тяжелой дѣятельности! Можетъ быть, художникъ-романистъ, котораго еще ждетъ Сибирь, изобразить намъ когда-нибудь эту дѣятельность...*)

К. Лесная.

Изъ поѣздки по Байкалу.

Осенью 1903 года мнѣ пришлось поѣхать на Байкалѣ. Дорога отъ Иркутска до Байкала довольно живописна. Мѣстами она напоминаетъ уральскую, съ тою только разницею, что горы, окаймляющія ее, ниже Уральскихъ, и Ангара, вдоль берега которой проходитъ поѣздъ, не похожа на уральскія рѣчки. Эта быстрая, изви-

Пародъ-ледоколъ „Ангара“.

вляла отъ берега. Желаямъ сойти подлетитъ огромная лодка, въ которую грузится багажъ, а лѣтъ спускается и пассажиръ, почти по отлѣсной лѣсенкѣ, въ лодку. Обратно лодка пустой не возвращается, въ ней всегда находится десятка полтора рабочихъ, которымъ нужно проѣхать, если не до самаго Култука, то до слѣдующей „пади“. Около одной изъ падей приставъ оказалась занятой

*) В. И. много лѣтъ велъ свои записки и наблюденія, но журналъ, охватывая и суда не современныя, а потонула, перѣзла еще при жизни свое урочище въ Иркутскую Гороховую Байкалку для храненія въ теченіе 50 лѣтъ.

казенным пароходом. Наши пароходы, не имея возможности подойти к ней, освободились от части груза совершенно своеобразным способом: грузы—огромные бочки—были спущены прямо в воду, заткнув матросы сбили в лодку и, загнув его баграми, доставили на берег.

На пристанях вас поражает разнообразие толпы: здесь видите вы русских рабочих, одетых очень плохо, с котомками за плечами, каменотесов-итальянцев, почти в рубище, но с гордой осанкой; изящные дамы поражают вас великодушными костюмами, так что вам начинает казаться, что вы не на жалком пароходе Потапова, а чуть-ли не в центре Парижа.

Берега Байкала очень красивы. Южный берег, вдоль которого все время идет пароход, представляет горная масса, образующая живописные виды. Местами эти горные массы нагромождены друг на друга; местами слишком далеко выдвинулись в Байкал. По самому берегу прокладывается железная дорога, кой-где скрывавшаяся от взора в туннелях. Везде следы сибирской работы. Горные породы рвутся динамитом. Гул, как-бы удары грома вдали, то и дело привлекает ваше внимание. Вы всматриваетесь и видите, как камни один за другим взлетают вверх и затрясъ с шумом падают в воду. Рабочие торопливо накладывают на тачки камни после только что произведенного взрыва и отвозят их в сторону.

С парохода видны многочисленные следы динамитных работ: тут растительный покров сорван и скала обнажена. Такие свята пятна беспрестанно прерывают естественную зелень берегов и вызывают чувство диссонанса, как всякое другое нарушение гармонии. Глаз привык видеть повсюду горные выступы лишено одетыми, называемых, растительным покровом—парничками, кустарниками, деревьями и листьями. Этот покров не достает, и вы смущены. Вы видите, перед вами картина превосходного пейзажа; бережливый владлец на нее прикрыл картину тканью, но она местами вырвана и когда ее снимали, то вы сорвали краску с полотна. В том-же направлении впечатлительные и берега Байкала, с их скалами и скалами.

Вода Байкала прозрачна, изумрудно-зеленого цвета, так и переливается и блистает при ярком солнечном освещении. День был чудный, жаркий, но как только пароход трогался с места,—становилось холодно. Дуло какой-то особенный ветер, не производящий волн, но производящий вас. Особенно холодно стало к вечеру. Пассажиры с нетерпением ожидали последней пристани. Но вот, наконец, и селение Култук. Селение это расположено на берегу Байкала в до-

льнейшая часть домов служит поминением для всевозможных лавок. Вся улица, идущая перпендикулярно к Байкалу, состоит из всевозможных лавок, начиная с квасных, колбасных, хлебных и кончая довольно большими с всевозможными товарами, в которых вы находите: хлеб, колбасу, колесную мазь, гвозди, мотыжные ткани, костюмы и проч. Много лавочек

и доводится до состояния ослепительной белизны. Улицы Култука в обычное время пустыни. Проходят рабочие в своих затрепаных костюмах, изящные дамы и кавалеры, извивая от скуки, флиртуют по улицам селения, то пешком, то верхом или в экипажах, и все это вносит в это оживление.

Байкаль хорош и здесь. Вода так прозрачна, что если вы, будучи в лодке, наклонитесь, то видите дно озера. Страшно, говорят, Байкаль в бурю, но я видела его в хорошую, тихую погоду, когда на поверхности воды не было даже рipples. В огромной лодке, в компании лодочника и одной женщины, занимающейся в данный момент продажей кваса и овощей, я переехала к Сюдинок. Но прежде два слова о моей спутнице: она тоже жертва жажды быстрого обогащения. Вначале жена мелкого железнодорожного служащего, затем подрядчика, вращающегося десятками тысяч рублей, теперь—совершенно разорившаяся, перебивающаяся со дня на день грошовой торговлей в ожидании, что опять на их улицы будет праздник и колесо Фортуны обернется для нее своей благоприятной стороной.

Сюдинок—это будущая железнодорожная станция, в сравнении с которой Култук окончательно про-

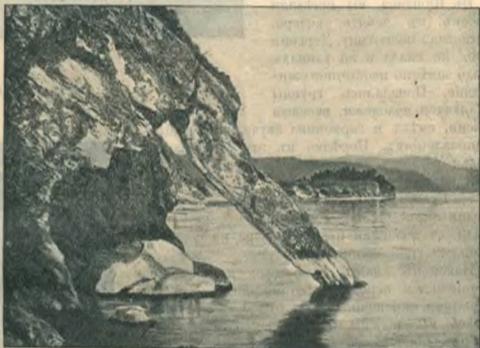
Мыс Малая Крутая Губа на Байкале.

и на улицах, расположенной вдоль берега Байкала, но те еще более убоги и неказисты.

В селении имеется пятиклассное училище, два дерекса, почтово-телеграфное отделение. Множество посылаемых почтово-телеграфной конторы указывает, что население в большинстве здесь пришло, с нетерпением ожидающее вестей с родины, которую оно покинуло ради сказочно быстрого обогащения. Действительно, когда начала строиться Круго-Байкальская железная дорога, цены на рабочие руки были очень высоки, но скоро предложение превысило спрос, да и жизненные продукты так вздорожали, что у многих весь большой заработок уходил на пропитание и потому от мнимого богатства остается один призрак.

Местное население (80 дворов) живет крайне бедно; заработком, кроме рыбной ловли, никаких почти нет. Хлебобашенство почти не занимаются. Огородов очень мало, даже достать огурец в самом селении Култук очень мудреная вещь,—нужно ехать в Иркутск—ближайший пункт.

Скот держат только для своего обихода. Лошадь имеет почти каждый, корову далеко не все.

"Хобот", скала на Байкале около Култука.

Место выбрано для постройки замечательно удачно. Огромная долина дает возможность расширится новому селению не только в длину, но и в ширину. В будущем здесь, вероятно, будет изысканная улица. Дома и теперь обращают на себя внимание величиной и благоустройством. Больница уже отстроена, крадутся к ней персонал, но кругом шла еще дельная работа. Сильно рубится лес, свозится к постройки и идет на постройку новых зданий.

В тот-же день вечером мы покинули Култук и на пароходе того-же Потапова возвратились в Баранчики, а оттуда в г. Иркутск, который нам показался столицей.

Е. П.

Шишкой.

Солнце село, и розовый горизонт виднелся сквозь высокие дубовые, освещаясь одесовским клдбином без жидких холмов, с высокими деревянными крестами с кровелькой, чернющими на розовом фоне вечерней зари. В Одесовку *) мы шли от железной дороги, чтобы нанять там лошадей. До Каптана, куда мы направлялись с целью посмотреть на шишкой, считали верст шесть. Баба, взявшая на себя роль нашего ямщика, оказалась очень общительной, и разговор завязался свободно.

— Пройший год вовсе шишка не уродилась, с позапрошлого года орех держался. А в урожай же в третьем году был: одна душа на сто ильковых набивала, на негодную душу по четвертой приходилось.

— А нынче урожай на шишку?

— И вот ништо, только противу третьего года куд.

— Что-ж это, праздник в вас, шишкой-то?

— А как? Знаю дело праздник. У них, у каштанских, кедровник большой, а народу мало,

Село Култук.

вообще обширной пади, с одной стороны оно окаймлено озером, с другой небольшими горами с очень скудной растительностью. В селении три улицы: одна тянется вдоль Байкала, другая параллельно ей и третья улица идет от горы к озеру Байкалу, перебивая две другие улицы. Дома небольшие и в большинстве красотой архитектуры не поражают путешественника, но илькотеры дома, как, напр., дом начальника дороги, обращает на себя внимание.

Этим, вероятно, объясняется очень высокая цена на молоко (обыкновенная сибирская крынка молока стоит 30—50 коп.).

Мужское крестьянское население все же находить себя работу, а у крестьянок времени так много, что они не знают, как убить его,—особенно ярко обнаруживается это во время мытья посуды: она не просто моет, а священнодействует. Все деревянные предметы, находящиеся в комнате, тщательно трутся чудным байкальским

*) Одесовка близ 30-й версты на ветке из Талсы в Табу.

три дни шишку бьют, куда сгнётся, всё захватит.

— А у вас деревня большая?

— Бедошевка-то наша небольшая, да кедровнику немного, ну и сгнётся всё, больше-бы набить. Негодяя-то душа подбиральщица не берет, самъ набитъ, самъ и подбирай.

— Какъ это негодная?

— Да неплатежная.

— Почему так?

— Общество не позволит: податей не платитъ, съ ее и того хватитъ.

— А какъ-же вы дѣлите кедровникъ?

— Да какъ? мужики на

согласии сговоритъ, кому въ какую сторону бьютъ, всё въ рядъ станутъ, шести ровно орудья подымутъ и ждутъ, а какъ скричатъ бьютъ, всякъ въ свое мѣсто и бросится на уру.

— Какъ на уру?

— Да уру закричатъ и побьютъ, гомонъ по лѣсу-то, кричатъ народъ.

— Что-же они кричатъ?

— Да кто што—разное, выпьетъ народъ, ну и кричатъ.

— Въдъ если лазакъ напѣшется, онъ можетъ свалиться съ дерева?

— Бываютъ, валяются. Иной такъ нагрузится, что ляжетъ у колаи и спитъ, а проснется—и ползаетъ шишку сбивать.

Въ Каштакъ мы приехали часовъ въ девять вечера. Миновали посковину. Деревни еще не спала и на улицахъ было замѣтно необычное оживление. Попадались группы гуляющей молодежи, веселые пѣсни, свѣтъ и гармоника звучали по различнымъ направлениямъ. Нерѣдко въ эту гармонию пересылались резкими диссонансами врвалась охрипшій пьяный голосъ.

— Гулять народъ,—замѣтилъ нашъ возница. Сидни лазаковъ и подбиральщицъ у насъ назвали, съ лазаками пьютъ. Завтра на согласии выпьютъ, пан пропивать будутъ.

Наконецъ, нашъ любезный мальчикъ-баба остановился передъ воротами нашего дома со ставнями, окрашенными въ бѣлое съ зеленымъ. Здѣсь мы должны были переночевать, чтобы утромъ попасть на послѣдній сходъ и посмотреть разладъ. Но къ стыду нашему, мы проспали и вышли на улицу уже тогда, когда въ разныя стороны мчались во всю прыть тележки съ привязанными къ нимъ высокими плетеными коробами, въ которыхъ, стоя, правили бабы въ затрапезныхъ платьяхъ, съ платками на головахъ и мужики въ мѣшковатыхъ холщевыхъ рубахахъ, въ холщевыхъ-же или грязно-рыжихъ штанахъ и высокихъ пимахъ. Некоторые были съ повязанными, по-бабы, платкомъ головами. Особенно комично выглядели большой чернородый мужикъ, повязанный платкомъ ввидѣ повойника съ торчавшимъ на затылкѣ концами. Тележки быстро пропали въ густой кедровникъ и деревня опустѣла. По улицѣ прыгали только простоволосые, утаиванные сѣрой босовогие ребята, съ шишками въ рукахъ, да большой старый дѣдъ сидѣлъ на бревнахъ въ тѣни застрѣхи и хрипѣлъ что-то непонятное. Мы пошли вдоль деревни. Какой-то маленький господничекъ въ дворянской фуражкѣ шелъ намъ навстрѣчу съ фотографической камерой.

— Вы были на сходѣ?—обратился къ нему мой спутникъ.

— Былъ, снялъ вотъ ихъ, только нагнѣное ничего не вышло,—очень ужъ они руками махали, кричали чего-то, ничего понять не могъ. Спросилъ мужиковъ,—говорятъ, пан продавали городскимъ, да пону съ урядникомъ по паю подарили.

Кедровникъ начинался сейчасъ-же за деревней. Оттуда доносился глухой звукъ ударовъ дерева по дереву—шишкобой начался.

Было восемь часовъ утра. Солнце косыми лучами освѣщало густую чащу кедровника; бархатная темная зелень его великопшпной каймой облегла бѣло-зеленый, позолоченный солнцемъ пригорокъ, а высокое голубое небо прятало свои края за вершинами стройныхъ курдюныхъ кедровъ. Ко едкъ на темномъ фонѣ лѣса выдѣлялись группы болѣе свѣтлыхъ молодухъ лиственницъ или ихтл, красящи коралловыя гроздыя рябины, влажные отъ ночного дождя и ярко блестящи теперь подъ утренними лучами, да кое-гдѣ желтѣла хвоя больныхъ, пораженныхъ вѣроятно какими-нибудь паразитомъ кедровъ.

Поднявшись на пригорокъ, мы увидѣли двѣ тележки, поставленные гуськомъ у самой опушки. Дѣт бабы поочередно показывались изъ чаши и, высыпавъ изъ ведра набранныхъ шишки, снова ныряли въ густую зелень.

„Колотушка-а!“—донеслось съ вершины ближайшаго кедра, съ котораго только-что дождемъ летѣли крупныя шишки, осыпая подбиральщицъ, ловко избѣгавшихъ ихъ ударовъ по головѣ.

„Бросай!“—послѣдовало отвѣтъ, и обѣ дѣвушки послѣново отошли въ сторону. Послышался шорохъ вѣтвей и одна изъ нихъ сильно закачалась. „Засѣла“,—снова послышалась голосъ снизу. Дерево

составило, какъ мнѣ послѣ объяснили, довольно чистое. Подобрать дѣшево стоило, я бросила ихъ въ ведро одной изъ подбиральщицъ.

— Ничто, возьми ихъ себѣ,—сказала она любезно.

— Отчего вы такъ ничего подбираете?

— Гдѣ ихъ подберешь всё-то, за лазакомъ не поспѣть.

— Колотушка-а!—раздалось снова съ вершины.

Немного поодаль работала другая группа: худенькій мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ дырявыхъ рыжихъ штанахъ и грязной рубахѣ на выпускъ, въ худенькихъ пимахъ и безъ всякаго убора на свѣтлыхъ, слюнщикъ отъ обильнаго пота волосахъ, поворно вѣлзалъ на дереву „Какой лазакъ маленький“ замѣтила я.

— Учится только, любовно отвѣтила мнѣ подошедшая, сторбленная старушка,—и подбиральщица-то така-же, не вижу, сѣбѣ стала. Кол шишка противу солнца, такъ ничто, а то и вовсе не увидать.

— Васъ только двое, бабушка?

— Ишо два сына было, да въ солдаты угвали,—однѣ въ Портатурѣ а другой въ Ладивостокъ-ли, чего-ли, такъ и перебиваемъ съ парнишкой.

— Колотушка-а!—раздался тоновыи окрикомъ,—и черезъ минуту проворный мальчикъ вѣлзалъ уже на другой кедръ. Я хотѣла помочь старушкѣ, но она отклонила мое предложеніе.

Другія группы работали въ лѣсу такъ-же тихо: ни пѣсенъ, ни веселыхъ шутокъ, не смотря на то, что на согласии порядочно таки выпили. Видно,

угрюмая природа наложила на сибиряка стуровый отпечатокъ и молодое веселье не въ силахъ преодолѣть его дѣловитого спокойствія. Въ мое памяти нисколько возникло сравненіе. Пому какъ въ Тверской губерніи, ребенкомъ, я любъ смотреть на вывозку навоза въ поле. Работъ помощью все деревни. Народили дѣвушки парни мчались со свѣжомъ, перегоняли друг друга, и съ пѣснями высоко вскидывали нагруженны пахучимъ навозомъ вилы. Пѣсни и свѣкъ не умолкали весь день на далекомъ пространствѣ и даже закачивались веселой гульбой.

Но возвращаюсь къ шишкобою. Къ двѣнадцати часамъ погода начала хмуриться, пропали яркія краски и туманная дымка сравнила всё отбѣлки,—картина сразу потускнѣла. А работа продолжалась съ одинаковымъ напряженіемъ: лѣтѣли шишки, нагружались и выгружались кули и ведра,—и до верху наполненные короба сползали съ пригорка и опрокидывались подъ нѣвесомъ того или другого двора. Помешъ дождь. Мокрая лошадедка и не менѣе ихъ мокрая баба мелькала мимо насъ въ обихъ направленияхъ отъ деревни и обратно, и шумъ тележничихъ колесъ сливался съ раскатами грома въ общій неуловимый гулъ. Когда же дождь хлынулъ обильнымъ потокомъ,—работа стала тл жель, такъ какъ деревня свѣтлалась скользкими и одежда лазаковъ намочла и отжелтѣла. Работа прекратилась часамъ къ пяти, и всѣ разошлись по домамъ дожидать свои сороковки и дождать калачи.

А. П.

Къ рисункамъ.

Сибирскій кадетскій корпусъ въ Омскѣ.

Въ этомъ же номерѣ рядомъ съ биографической статьёю о В. И. Вагинѣ мы даемъ и видъ Сибирскаго кадетскаго корпуса, то есть того училища, въ которомъ учился Вагинъ. Первоначально это было Военное казначе училище, построенное и содержавшееся на средства Сибирскаго казачьяго войска; оно было основано въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Такъ какъ въ Омскѣ не было другого средняго учебнаго заведенія, то въ то же училище, по распоряженію высшей администраціи края, принимали дѣтей не только казаковъ, но и вѣнскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Высвѣдствія числа не-казачьихъ дѣтей получало перевѣсъ и правительствомъ было рѣшено преобразовать казначе училище въ кадетскій корпусъ и признать содержание его на государственныя счеты. Преобразование совершено въ 1846 г. Высвѣдствія дажде было значительно расширено. Самая старшая часть зданий—правое крыло его съ колонадой.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Парочья типо-литографія П. И. Макушина.

Шишкобой.

...мы увидѣли двѣ тележки, поставленные гуськомъ у самой опушки*.

Шишкобой.

...не теряя минуты, онъ быстро вообразил на сосѣднее дерево*.

опять зашумѣло и черезъ минуту колотушка въ видѣ навесичнаго тѣла, только значительно толще и съ привязанной къ шейкѣ длинной петлей, грузно шлепнулась въ траву, а за ней ловко прыгнувъ съ дерева мужикъ. Не теряя минуты, онъ быстро вообразил на сосѣднее дерево, откуда снова раздался деревняный гулъ и послышался сѣрый градъ свѣтлыхъ шишекъ. За нимъ перешли и подбиральщицы.

— Почему у васъ не шести быютъ?—спросила я стоявшаго около кола крестьянина.

— Нонѣ на согласии положили шестамъ не битъ,—озидъ; она, озимъ-то, съ осени начинается.

На мѣстѣ, только-что оставленномъ работавшими, валялось много не подобранныхъ шишекъ. Это и

* Означко называется на вѣтвяхъ нарѣвн молодой сосныи дала.